

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'42:323.28
ББК Ш105.51+Ф041.33

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.19

А. И. Завьялов
Нижний Новгород, Россия

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ТЕРРОРИЗМА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматривается вопрос терминологии при определении понятия «терроризм». Целью данной работы является анализ существующих определений терроризма на предмет их пригодности для исследования информационно-коммуникационной компоненты данного явления и выработка определения терроризма, учитывающего его взаимосвязь с системами общественной коммуникации. Терминология должна применяться очень осторожно, так как это очень важно для понимания, какое деяние может называться террористическим актом, в чем различие между терроризмом и экстремизмом. В ходе исследования проведен анализ определений, данных терроризму в различных иностранных источниках. Определены различия в подходах к классификации деяний, что может практически использоваться в деятельности правоохранительных органов, прокуратуры и судов. По итогам работы в качестве рабочего определения терроризма для исследования коммуникационной системы терроризма предложено использовать следующее: терроризм — это комбинация стратегий и жесткой тактики, при которой жертвы (т. е. обычные граждане) являются частью более широкой цели (например, правительство). Эти стратегии и тактики используются лицами или группами лиц в преследовании определенного типа целей — обычно политического, социального, криминального, экономического или религиозного характера, и они считают терроризм самым эффективным способом получения власти, необходимой для достижения этих целей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терроризм; экстремизм; террористический акт; терминологический подход.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Завьялов Андрей Иванович, аспирант научно-исследовательского центра изучения проблем национальной и международной безопасности, Институт международных отношений и мировой истории (ИМОИИ), Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; адрес: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2; e-mail: azn2007@yandex.ru.

Научное изучение терроризма и его взаимосвязи с системами общественной коммуникации требует решения вопросов терминологии. Существует разница между террористом, совершающим кровавые теракты, и экстремистом, проповедующим радикальные изменения в обществе. Также существует разница между боевиками, нападающими на подразделения оккупационной армии, и террористами, без разбора убивающими мирных жителей. Применение к той или иной организации определения «террористическая» иногда бывает обоснованным, а иногда — преувеличением, навешиванием ярлыка. Например, в список иностранных террористических организаций Госдепартамента США по состоянию на январь 2010 г. вошли 45 групп, в том числе «Хезболла». Даже если предположить, что некоторые члены «Хезболлы» являются террористами, означает ли это, что все члены «Хезболлы» террористы? Конечно, нет. «Хезболла», «Хамас» и некоторые другие организации, состоящие в этом списке, у себя на родине являются влиятельными политическими силами, в их состав входят врачи, учителя и прочие профессионалы, не намеренные участвовать в террористической деятельности и не одобряющие ее. Поэтому терминология должна применяться очень осторожно.

Ключевой для исследования является проблема дефиниции терминов «террористический

акт», «террорист», «терроризм» и «экстремизм». Целью данной работы является анализ существующих определений терроризма на предмет их пригодности для исследования информационно-коммуникационной компоненты данного явления и выработка определения терроризма, учитывающего его взаимосвязь с системами общественной коммуникации.

Следует отметить, что в 2008 г., например, Национальный контртеррористический центр США (НСТС) зарегистрировал около 11 800 террористических актов, в результате которых было убито, ранено и похищено 54 000 человек. Из 235 атак с большим числом жертв, т. е. от 10 человек убитыми, 75 % произошли на Ближнем Востоке или в Южной Азии. Более 50 % убитых — мусульмане, в основном в Ираке, Пакистане и Афганистане [National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism: 10—12].

За такими обобщающими статистическими отчетами информация о конкретных террористических актах теряется. NSTC полагается на информацию из открытых источников, и в отчете Центра указано, что «виновников более 7 000 терактов, т. е. более 60 процентов за 2008 г., установить не удалось». Раздробленность террористических групп, фальсификация обвинений, их отрицание — все

это усложняет процесс подготовки достоверных отчетов. Туман неопределенности окутывает исследования террористической деятельности, усложняя задачу тем, кто хочет изучить и понять терроризм и, возможно, дать ему отпор.

NCTC решает некоторые трудности на пути подготовки статистических отчетов о терроризме. Согласно данным Центра, террористический акт — это намеренная или случайная атака местными подпольными группами или лицами мирного населения или нестроевых военнослужащих (включая военный персонал и объекты за пределами зоны военных действий и в местах проведения боевых операций). Определение того, что же является террористическим актом, часто больше к разряду искусства, чем науки; очень часто отсутствует полная информация, фактические обстоятельства интерпретируются по-разному, а мотивы виновников зачастую неясны [Op. cit.: 4].

Необходимо дать определение «терроризму», которое бы удовлетворяло органы правопорядка, военные, политические силы и общество.

Существует множество альтернативных определений термина «терроризм», не только в научной среде, но также и среди политиков и государственных органов [Грачев, Корнилов 2014: 242—245]. В российском праве терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий [Федеральный закон... № 35-ФЗ: 10]. С точки зрения Госдепартамента США, терроризм означает «предумышленное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения или объектов субнациональными группами или подпольно действующими агентами обычно с целью повлиять на настроение общества» [22 US Code, Section 2656 (d), цит. по: US States Department Patterns of Global Terrorism 1999: 8]. Эта юридическая формулировка звучит красиво, но при анализе вызывает вопросы. Что именно считать «политически» мотивированным? Насколько четко понятие «мирные объекты»? Что такое «субнациональные» группы, особенно применительно к транснациональным или другим группам, чьи убеждения не имеют никакого отношения к нациям, и что стало с «государственным терроризмом» внутри этого определения? В чем заключается смысл «влияния на настроения общества»?

Ответы на эти и связанные с ними вопросы можно найти, но они вряд ли будут последовательными. Еще более усложняют формулировку определения различия даже внутри единой государственной бюрократической системы. В Соединенных Штатах вместо законодательно установленной дефиниции Министерство обороны предлагает свою версию определения терроризма: «Намеренное использование незаконного насилия или угроз незаконного насилия в целях устрашения, направленное на принуждение или запугивание правительства или общества для достижения целей, которые могут быть политиче-

скими, религиозными или идеологическими» [US Department of Defense: 2].

В то же время Министерство юстиции определяет терроризм как «незаконное использование силы или насилия против людей или собственности в качестве средства устрашения или принуждения правительства, гражданского населения или любого их сегмента в преследовании политических или социальных задач» [National Institute of Justice: 4]. Различие состоит в том, что Госдепартамент ставит во главу угла «политическую мотивированность насилия», поскольку терроризм часто считается формой коллективного насилия, имеющего политические мотивы.

Эти политические мотивы варьируются в пределах широкого диапазона. Многие террористические группы преследовали цели произвести революцию, установить геополитически отдельное образование (это часто называется этнически-национальным самоопределением, или национальной независимостью). Среди других целей террористов — запрет проведения испытаний на животных (Фронт освобождения животных, ALF), остановка вырубki леса (Фронт освобождения Земли, ELF), или религиозные цели, как например, законодательный запрет абортов или подчинение сторонников другой веры. Все эти цели имеют то или иное отношение к политике и власти. Десятилетия споров в ООН нагляднее всего показывают, насколько сложно найти общее определение для терроризма. Например, в то время как Соединенные Штаты и западноевропейские государства обычно одобряют то, что Израиль называет палестинских смертников террористами, существует много арабских государств в Ближнем Востоке, которые поддерживают дело палестинцев и заявляют, что это «борцы за свободу» (еще один термин, используемый в жанре политического насилия) или употребляют другие одобрительные названия. На местном уровне также проходят подобные дебаты. Католики в Северной Ирландии отказывались причислять к террористам Временную ирландскую республиканскую армию (PIRA), а протестанты Северной Ирландии — Объединение обороны Ольстера (UDA) или Добровольную дружину Ольстера (UVF), хотя все эти группы однозначно несут ответственность за серьезный террор, проводимый ими на протяжении второй половины столетия. Терминологические споры заставили некоторых предположить, что терроризм необходимо рассматривать как субъективное понятие.

Один из аспектов терминологической проблемы выражается в следующем афоризме: «Кому террорист, а кому и борец за свободу» [Балуев 2004: 7]. Ясир Арафат, Менахем Бегин, другие политические деятели, которые поднялись во времена кровавых беспорядков и стали выдающимися лидерами — к ним нужно относиться как к террористам или как к борцам за свободу?

Являются ли атаки на мирных граждан во время обычной войны, как, например, во время бомбежек Дрездена и Токио в конце Второй мировой войны, террористическим актом, или это законный способ принуждения к сдаче правительства вражеского государства? Не преобладают ли чувства над законодательным определением: американцы во время

Войны за независимость были заслуживающими почета патриотами или террористами-повстанцами? Несомненно, у американцев и британцев были разные мнения на этот счет.

С данным вопросом связано и разграничение понятий «террорист» и «экстремист». Последние могут оказаться группой лиц, проповедующих ненависть и провоцирующих атаки на гражданское население, но напрямую не участвующих в подобных действиях. Также их послания могут не подпадать под определение терроризма ввиду того, например, что они призывают атаковать военнослужащих, а не мирное население. Является ли группа лиц, одобряющая, но не проводящая атаки на военные силы США в Афганистане, террористической организацией, или ее следует воспринимать как-то иначе? Также можно вспомнить «Хамас» или «Хезболлу», которых некоторые считают террористическими группами, в то время как многие палестинцы и ливанцы (и некоторые другие народы мира) считают их законными политическими организациями, которые преследуют благородные цели, защищая своих соотечественников от оккупантов.

Существует также тенденция, особенно на Западе, легко называть террористами членов «других» этнических, религиозных или иных групп, но гораздо реже применять этот термин к своим собственным террористам. В Соединенных Штатах Усама бен Ладен является синонимом слова «террорист», но то же самое неприменимо к Тимоти Маквею, представителю европеоидной расы, ветерану армии США, который взорвал федеральное здание в Оклахома-Сити в апреле 1995 г., убив 168 человек. В Великобритании после терактов 7 июля 2005 г. виновниками в первую очередь считались мусульмане, несмотря на тот факт, что трое из четверых были уроженцами Британии (а четвертый родился на Ямайке).

Брюс Хоффман, один из ведущих исследователей терроризма, справился с задачей определения этого явления лучше всех. Он считает терроризм умышленным созданием страха при помощи насилия или угрозы насилия и его использование в целях проведения политических изменений. Терроризм в основном направлен на оказание более широкого психологического воздействия, с охватом более широкого круга лиц, чем непосредственная(ые) жертва(ы) или объект террористической атаки. Благодаря огласке террористы пытаются получить рычаги воздействия, влияние и власть, которых у них изначально нет, для проведения политических изменений на местном уровне или в международном масштабе [Hoffman 2006: 44].

Хоффман делает упор на создании страха, а также его использовании для получения рычагов политического давления, что особенно важно, поскольку квалифицирует терроризм как политическое преступление; это не просто убийство из жадности убивать (хотя для некоторых исполнителей может являться именно таким), а стратегический инструмент и уравнивающий фактор в конфликте с неравной расстановкой сил.

Специалистам, изучающим терроризм, есть из чего выбрать при поиске определения. Согласно мнению политолога Дэвида Рапопорта

(David Rapoport), «террор — это насилие с характерными признаками, использующееся в политических целях частными лицами и государствами. Это насилие не регулируется общественно принятыми нормами сдерживания насилия, правилами ведения войны и правилами применения наказания. Отдельные группировки, использующие террор, чаще всего пренебрегают правилами ведения войны, в то время как государственный террор обычно пренебрегает правилами применения наказания, т. е. теми правилами, которые позволяют нам отличать виновных от невиновных. Но как государства, так и неправительственные группировки могут игнорировать любой из наборов правил» [Rapoport 2008: 12]. Луис Ричардсон (Louise Richardson), еще один авторитетный ученый, объясняет, что террористические организации имеют политические цели, которых они пытаются достичь через насилие или угрозу насилием, и что применение насилия призвано не победить противника, но передать некое послание, т. е. акты насилия имеют символическое значение и должны привлекать максимум внимания к идеям преступников [Richardson 2007: 4—5].

Синди Комбс называет терроризм «синтезом войны и театра: инсценировкой насилия, которая разыгрывается с невинными жертвами и перед зрителями в надежде вызвать чувство страха без сожаления или раскаяния в угоду политическим целям» [Combs 2003: 123]. А Брюс Хоффман, один из признанных в международных кругах ученых в этой области, определяет терроризм как «целенаправленное создание и использование страха через насилие или угрозы насилием в преследовании политических целей... <он> предназначен для оказания широкого психологического воздействия не только на непосредственные жертвы или объекты террористической атаки... <и> для создания власти, где ее нет, или для укрепления власти, где ее очень мало» [Hoffman 2006: 40—41]. Хоффман также выделяет основополагающие компоненты в существующих определениях терроризма. Например, большинство дефиниций содержит политическое измерение (как у многих только что упомянутых авторов), обычно желание политического изменения. На самом же деле мотивом террористических группировок является желание предотвратить политическое изменение или сохранить статус-кво (государства также могут терроризировать своих граждан, и когда это происходит, обычно свидетельствует о нежелательности для властей политических изменений).

Фундаментальной среди большинства описаний и определений терроризма является идея о том, что те, кто им занимается, не соблюдают обычные нормы политического насилия [Балуев 2004: 64—70] — скорее они намеренно нацеливаются на невинных (включая военнослужащих не при исполнении служебных обязанностей, сотрудников правоохранительных и других государственных органов) и стараются нанести психологическую травму, как минимум через смерть или ущерб. И, конечно же, существуют криминальные аспекты терроризма. Террористы убивают, калечат и уничтожают, и было бы трудно найти в цивилизованном мире такой суд, который не счита-

ет это преступлением вне зависимости от мотивов или конечных целей. Далее, террористы обычно также занимаются отмыванием денег, кражами, мошенничеством, шантажом, контрабандой (в том числе наркотиков, оружия и людей), ограблением банков и многими другими видами криминальной деятельности [Грачев, Баймашев 2013: 62].

Алекс Шмид (Alex Schmid), еще один уважаемый во всем мире ученый в данной области, отмечает, что криминальные и террористические организации имеют много общего: они действуют рационально, у них есть жертвы, они используют схожую тактику, например похищение людей и убийства, они работают тайно, они объявлены вне закона правящим режимом и стоят в оппозиции к правительству [Schmid 1996: 66—67]. Тем не менее через большинство определений терроризма проходит красной нитью вопрос мотивов. Например, эксперт по организованной преступности Фил Уильямс различает террористические и преступные организации по их мотивам: у террористических организаций есть желание провести (или предотвратить) политическое изменение, в то время как криминальные организации сосредоточены на формировании и максимизации прибыли [Williams: 195—196]. Далее, террористические акты необходимо рассматривать как итог многоэтапной деятельности, включающей в себя финансирование, вербовку, обучение, выработку специальных навыков и подготовку к теракту. Все это может длиться в течение нескольких месяцев или даже лет. Криминальные организации направляют большинство своих усилий на собственную защиту от конкурентов или правительства и органов правопорядка и преследуют стратегию управления, уклонения, контроля или снижения риска; конечно же, этим занимаются и многие террористические группировки занимаются. По большому счету, лишь один аспект отличает террористов от других преступников — политический характер насилия. Многие рассматривают терроризм как использование угрозы насилием для осуществления изменений, и очень часто изменения, которые преследуют террористы, являются так или иначе политическими.

Четко разграничиваются террористы и другие преступники по отношению к деньгам. Как отмечает Лоретта Наполеони, преступные организации ведут свою деятельность как частные компании, имеющие своей конечной целью накопление прибыли. В отличие от них, террористические организации более заинтересованы в денежных расходах, чем в отмывании; вместо накопления и максимизации прибыли деньги должны быть распределены по всем ячейкам сообщества для обеспечения их деятельности [Napoleoni 2004: 31—33]. В то время как терроризм часто рассматривается как форма политического насилия, специалисты в области правопорядка рассматривают его как уникальную форму преступления с применением насилия — уникальную в первую очередь за счет мотивов. Тем не менее растет число авторов, которые стали предполагать, что различие между организованной преступностью и терроризмом может быть нечетким. Например, Уолтер Лакер утверждает, что пятьдесят лет на-

зад между терроризмом и организованной преступностью проходила четкая разделительная линия, но «в недавнее время эта линия стала размываться и в некоторых случаях появился симбиоз между терроризмом и организованной преступностью, которого раньше не существовало» [Laqueur 1999: 211]. Другие ученые описали этот феномен как связь, слияние, континуум или парадигму другого рода, для которой характерны подвижные, постоянно изменяющиеся отношения среди членов террористических и криминальных сообществ [Makarenko 2003: 159—170].

В конце 1980-х гг. Шмид и несколько его европейских коллег провели исследование нескольких сотен публикаций о терроризме и обнаружили общие характерные элементы. На основании данного исследования они предложили определение, которое пытается охватить большую часть того, в чем сходится ученое сообщество при использовании обсуждаемого термина: «Терроризм — это вселяющие страх методы совершения повторяющихся жестоких актов, используемых (полу-) подпольными лицами, группами или государственными субъектами по преступным или политическим причинам, где — в отличие от политического убийства — непосредственные цели насилия не являются их основными целями. Непосредственные человеческие жертвы обычно выбираются произвольно (внеплановые цели) или выборочно (характерные или символические цели) среди целевого населения и служат в качестве генераторов посланий. Процессы коммуникации, основанные на угрозах или насилии, между террористами (организацией) и (подверженными опасности) жертвами и основными целями используются для манипулирования основной целью (аудиторией) для превращения ее в цель для террора, цель для выдвижения требований или цель для привлечения внимания, в зависимости от того, что в первую очередь преследуется: устрашение, принуждение или пропаганда» [Schmid, Jongman 1988: 5—6].

В качестве рабочего определения терроризма для исследования его коммуникационной системы можно использовать следующее: **терроризм — это комбинация стратегий и жестокой тактики, при которой жертвы (т. е. обычные граждане) являются частью более широкой цели (например, правительство). Эти стратегии и тактики используются в преследовании определенного типа целей — обычно политического, социального, криминального, экономического или религиозного характера — лицами или группами лиц, которые считают терроризм самым эффективным способом получения власти, необходимой для достижения выдвинутых целей.**

Данное определение отражает точку зрения, согласно которой терроризм в некоторой степени является продуктом первично неравного распределения власти на местном, национальном уровне или в мировом масштабе. Заведомо упрощенный взгляд на терроризм выдвигает на передний план более объемную и более важную проблему: выбор при принятии террористических методов основан на вере, что настоящее неудовлетворительно и, таким образом, нужно что-то делать для

обеспечения лучшего будущего.

Таким образом, принятие политически насильственной тактики в качестве средства достижения целей приводит всех — от политических революционеров до религиозных боевиков — к одинаковым результатам. Неудовлетворенность существующим статус-кво привела к формированию террористических группировок в Ирландии, Италии, Египте, Германии, Шри-Ланке, Японии, Индонезии, на Филиппинах, в Соединенных Штатах и многих других государствах. Более того, терроризм доказал свою эффективность в осуществлении изменений, с точки зрения некоторых наблюдателей. Например, терроризм заставил могущественные Соединенные Штаты (и позже Израиль) уйти из Ливана и убедил французских покинуть Алжир. Чтобы понять терроризм, нужно на определенном уровне иметь способность представить, как террористы смотрят на самих себя и как они оправдывают свои поступки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балув Д. Г. Личностная и государственная безопасность: современное международно-политическое измерение : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. — Н. Новгород, 2004.
2. Балув Д. Г. Приватизация военно-силовых функций государства: каковы перспективы? // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3.
3. Грачев С. И., Баймашев Ю. М. Криминологическая детерминанта современно терроризма в России // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2013. Спецвып.
4. Грачев С. И., Корнилов А. А. К вопросу о дефиниции «терроризм» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3.
5. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
6. Combs C. C. Terrorism in the Twenty-First Century. —

A. I. Zavyalov

Nizhny Novgorod, Russia

INFORMATION-COMMUNICATION MODEL OF TERRORISM: TERMINOLOGICAL ASPECTS

ABSTRACT. *The article dwells on the problem of terminology while defining the notion “terrorism”. The aim of the article is to analyze the existing definitions of terrorism in terms of their validity for the information-communication component of the given phenomenon and to work out a definition of terrorism that would take into account its interrelationship with the systems of public communications. Terms should be used carefully, as it is very important for the understanding what action can be called a terroristic act and what is the difference between terrorism and extremism. The undertaken research includes the analysis of definitions given to terrorism in different foreign sources. It highlights the differences in the approach to the classification of actions, which could be used practically by law enforcement organizations, attorneys and in courts of law. In the result, the author offers the following working definition of terrorism for the study of its information-communication system:*

Terrorism is a combination of strategies and tough tactics in the result of which victims (i.e. common people) are part of a more general target (e.g. government). These strategies and tactics are used by persons or groups of persons pursuing certain goals – usually of a political, social, criminal, economic or religious character. These people regard terrorism as the most effective way of getting power necessary for the realization of those goals.

KEYWORDS: *terrorism; extremism; terroristic act; terminological approach.*

ABOUT THE AUTHOR: *Zavyalov Andrey Ivanovich, Post-graduate Student, Scientific Research Center for the Study of Problems of National and International Security, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Baluev D. G. Lichnostnaya i gosudarstvennaya bezopasnost': sovremennoe mezhdunarodno-politicheskoe izmerenie : avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk / Nizhegor. gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo. — N. Novgorod, 2004.
2. Baluev D. G. Privatizatsiya voenno-silovykh funktsiy

New Jersey : Prentice Hall, 2003.

7. Hoffman B. Inside Terrorism. — New York : Columbia Univ. Pr., 2006.

8. Laqueur Walter. The New Terrorism. — Oxford Univ. Pr., 1999.

9. Makarenko Tamara. The Ties and Bind: Uncovering the Relationship between Organized Crime and Terrorism // Global Organized Crime: Trends and Developments. — Dordrecht : Kluwer, 2003.

10. Napoleoni L. The new Economy of Terror: How Terrorism is Financed // Forum n Crime and Society. 2004. No 1, 2.

11. National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism. 2009. 30 Apr. URL: <http://wits.nctc.gov/ReportPDF.do?f=crt2008nctcannexfinal.pdf>.

12. National Institute of Justice website on terrorism. URL: nij.gov/topics/crime/terrorism/welcome.htm

13. Rapoport D. C. Before the Bombs There Were Mobs: American Experiences with Terror // Terrorism and Political Violence. 2008. Vol. 20, No. 2.

14. Richardson Louise. What Terrorists Want. — New York : Random House, 2007.

15. Schmid A. P. The Links between Transnational Organized Crime and Terrorist Crimes // Transnational Organized Crime. 1996. Vol. 2, No. 2.

16. Schmid A. P., Jongman A. J. et al. Political Terrorism: A new Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. — Amsterdam : Transaction Books, 1988.

17. US Department of Defense, Department of Defense Dictionary of Military and Assicated Terms. URL: www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/_jpl1_02.

18. US States Department Patterns of Global Terrorism. 1999/Dept of State Publication. — Washington, DC, 2000.

19. Williams P. Strategy for a New World: Combating Terrorism and Transnational Organized Crime // Strategy in the Contemporary World. — Oxford Univ. Pr.

gosudarstva: kakovy perspektivy? // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2004. № 3.

3. Grachev S. I., Baymashev Yu. M. Kriminologicheskaya determinanta sovremenno terrorizma v Rossii // Vestn. Kазan. yurid. in-ta MVD Rossii. 2013. Spetsvyp.

4. Grachev S. I., Kornilov A. A. K voprosu o definitсии

«terrorism» // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2014. № 3.

5. Federal'nyy zakon RF ot 6 marta 2006 g. N 35-FZ «O protivodeystvii terrorizmu».

6. Combs C. C. Terrorism in the Twenty-First Century. — New Jersey : Prentice Hall, 2003.

7. Hoffman B. Inside Terrorism. — New York : Columbia Univ. Pr., 2006.

8. Laqueur Walter. The New Terrorism. — Oxford Univ. Pr., 1999.

9. Makarenko Tamara. The Ties and Bind: Uncovering the Relationship between Organized Crime and Terrorism // Global Organized Crime: Trends and Developments. — Dordrecht : Kluwer, 2003.

10. Napoleoni L. The new Economy of Terror: How Terrorism is Financed // Forum n Crime and Society. 2004. No 1, 2.

11. National Counterterrorism Center 2008 Report on Terrorism. 2009. 30 Apr. URL: <http://wits.nctc.gov/ReportPDF.do?f=crt2008nctcannexfinal.pdf>.

12. National Institute of Justice website on terrorism. URL: nij.gov/topics/crime/terrorism/welcome.htm

13. Rapoport D. C. Before the Bombs There Were Mobs: American Experiences with Terror // Terrorism and Political Violence. 2008. Vol. 20, No. 2.

14. Richardson Louise. What Terrorists Want. — New York : Random House, 2007.

15. Schmid A. P. The Links between Transnational Organized Crime and Terrorist Crimes // Transnational Organized Crime. 1996. Vol. 2, No. 2.

16. Schmid A. P., Jongman A. J. et al. Political Terrorism: A new Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. — Amsterdam : Transaction Books, 1988.

17. US Department of Defense, Department of Defense Dictionary of Military and Assicated Terms. URL: www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/_jp1_02.

18. US States Department Patterns of Global Terrorism. 1999 / Dept of State Publication. — Washington, DC, 2000.

19. Williams P. Strategy for a New World: Combating Terrorism and Transnational Organized Crime // Strategy in the Contemporary World. — Oxford Univ. Pr.

Статью рекомендует к публикации д-р полит. наук, проф. С. И. Грачев.